

М.О. Тяпкин, О.А. Тяпкина

СИСТЕМА ПОЛЬЗОВАНИЯ ВАЛЕЖНИКОМ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Рассматривается опыт лесопользования в Российской империи на примере особой категории лесных материалов – валежного леса. В основу статьи были положены исследования дореволюционных лесоводов, законодательные источники и архивные материалы. В ходе исследования было установлено, что благодаря особенностям системы отечественного лесопользования в лесных массивах скапливалось огромное количество валежной древесины, что осложняло пожарную обстановку в лесах и способствовало распространению болезней и вредителей леса. Основными способами очистки лесных дач от валежника являлись проведение лесных работ и организация льготных и бесплатных отпусков древесины.

Ключевые слова: лесное хозяйство; лесопользование; охрана лесов; недревесные лесные ресурсы; валежник; Лесной устав; Лесной кодекс.

Лесные экосистемы планеты предоставляют человеку возможность пользоваться разнообразными ресурсами, которые современная наука подразделяет на древесные и недревесные. Безусловно, древесина представляет собой важнейший объект эксплуатации, однако исследователями неоднократно отмечался тот огромный потенциал, которым обладают недревесные лесные ресурсы, при условии их комплексного использования [1–3]. Примерный перечень недревесных лесных ресурсов закреплен в действующем Лесном кодексе Российской Федерации (2007 г.) и выглядит следующим образом: пни, береста, кора деревьев и кустарников, хворост (древесина менее четырех сантиметров толщины в диаметре), веточный корм, еловые, пихтовые, сосновые лапы, ели для новогодних праздников, мох, лесная подстилка, камыш, тростник и т.п.

Валежная древесина до недавнего времени, в соответствии с лесным законодательством Российской Федерации, относилась к древесным ресурсам. С точки зрения лесоводческой науки это оправдано, поскольку валежник представляет собой лежащие на поверхности почвы мертвые стволы деревьев или их части, образующиеся при естественном отмирании деревьев, ветровале, буреломе, снеголоме, повреждении насаждений вредными насекомыми, грибными болезнями и лесными пожарами, а также при рубках [4. С. 45]. Однако подобная градация затрудняет организацию рационального лесопользования, поскольку режим использования древесных и недревесных ресурсов в нашей стране имеет существенные отличия.

В соответствии с действующим Лесным кодексом граждане имеют право заготавливать и собирать недревесные лесные ресурсы для удовлетворения собственных нужд. Однако отсутствие в упоминаемом выше перечне недревесных материалов валежника фактически означает, что его заготовка должна осуществляться на общих с другими видами древесины основаниях, что предусматривает необходимость заключения договора аренды лесного участка или купли-продажи лесных насаждений (в случае, если лесной участок не предоставляется). Сбор валежника без наличия соответствующих разрешительных документов *de jure* является противоправным деянием, за которое предусмотрена административная или уголов-

ная ответственность, вплоть до лишения свободы на срок до двух лет. Правоприменительная практика в разных регионах нашей страны по вопросам преследования лесонарушений в виде сбора валежного леса в последние годы не отличалась единством. В ряде регионов власти не препятствовали гражданам в сборе сухого леса на отопление своих жилищ, однако в других, следуя букве закона, заставляли оформлять соответствующие договоры и соблюдать все лесозаготовительные регламенты.

На протяжении нескольких последних лет от депутатов и представительных органов власти субъектов Российской Федерации, в частности Алтайского краевого законодательного собрания, в Государственную думу были направлены на рассмотрение пять законопроектов. Все они предусматривали внесение изменений в действующий Лесной кодекс в части перевода валежника из категории древесины в категорию недревесных лесных ресурсов. Наконец, в апреле 2018 г. Государственная дума приняла соответствующий закон, который вступает в силу с 1 января 2019 г. Принятие этой новеллы есть лишь начало большой работы по совершенствованию системы правового регулирования отношений в сфере лесопользования и лесоохраны. В дальнейшем потребуются большая организационная работа по подготовке правил пользования валежником. Эта работа должна вестись с учетом лесохозяйственных особенностей отдельных регионов, существующего зарубежного опыта, с опорой на исторические традиции отечественного лесопользования.

В рамках данной статьи мы хотели бы остановиться на рассмотрении процесса формирования и развития системы пользования валежным лесом, а также характеристике основных черт, которые были ей присущи на протяжении XVIII – начала XX в. История использования валежного леса напрямую связана с уровнем развития лесного хозяйства, она затрагивает не только лесозаготовительное, лесоохранное, лесокультурное и лесоинженерное направления деятельности специализированных государственных органов, но и социально-экономическую сферу, демонстрируя уровень зрелости отношений между государством и населением.

Леса Российской империи в дореволюционный период делились на государственные (казенные и

имевшие особое предназначение), общественные и частные. Исходя из того, что наиболее многочисленной категорией являлись государственные леса, а также учитывая, что только в рамках казенного лесного хозяйства могла сложиться единая система пользования валежником, имевшая, помимо экономической составляющей, очевидную социальную направленность, мы остановимся на характеристике лесопользования в государственных лесах.

В дореволюционной справочной лесоводческой литературе «валежник», или «валеж», определялся как «лес, лежащий и утеревший уже некоторые качества свежесрубленного леса, образовавшийся из поваленных и поломанных ветром, навалом снега, ожеледью или другими причинами целых деревьев или частей их, а также из срубленных и невывезенных из лесу деревьев, равно как и оставшиеся в лесу от заготовок лесных материалов вершины, сучья и части стволов, но не щепы и мелкие ветви» [5. С. 47]. Как мы видим из этого определения, основные признаки валежника без каких-либо существенных изменений сохранились до наших дней. Дореволюционное лесное право также не отделяло валежник от древесной лесной растительности, однако система его использования и предоставления права пользования им населению была, по сравнению с современной, более гибкой.

С момента начала формирования отечественной лесной отрасли в первой четверти XVIII в. валежный лес, непригодный для нужд армии и флота, рассматривался правительством как альтернатива использования качественного строевого леса на топливо. Уже Петр I предписывал, под страхом денежного и телесного наказания, использовать на дрова исключительно валежник, а также деревья, негодные на «хоромное и корабельное строение» [6. С. 150]. В вальдмейстерской инструкции, которая стала венцом законотворческой деятельности Петра I в сфере лесного хозяйства, было подтверждено, что пользование валежником, если он негоден для корабельного строения, должно осуществляться преимущественно перед растущим лесом. Заготовка таких лесоматериалов на собственные надобности могла вестись населением по упрощенной схеме, при которой разрешения ответственных за состояние лесов вальдмейстеров не требовалось [7. С. 174–181].

Многие леса, особенно в малонаселенных районах страны, были в буквальном смысле завалены валежником до непроходимого состояния. На характер лесопользования (в том числе валежной древесины) существенное влияние оказывали региональные особенности, присущие разным частям Российской империи, которые определялись как природными факторами региона, так и укладом жизни населения. Так, в прибалтийских губерниях были распространены сервитутные права населения на круглогодичное пользование валежником из казенных лесных дач без каких-либо ограничений за символическую плату. В лесах Прибалтики, а также густонаселенных южных и центральных губерний валежник практически отсутствовал, так как выбирался и использовался на нужды населения. В более лесистых и менее населенных местностях, особенно в Сибири и северных губерни-

ях, население предпочитало брать на отопление домов растущий лес высокого качества, бросая старые деревья, а для очистки лесов от валежника местные жители прибегали к помощи огня, провоцируя тем самым лесные пожары [8. С. 16].

Источниками накопления мертвой древесины в лесах являлись не только природные причины (ветровалы, пожары, вымокания, жизнедеятельность животных и насекомых), но и сама лесохозяйственная система. Уборка порубочных остатков (вершинник, отрубы, крупные сучья, кора, ветви) в казенных лесах долгое время возлагалась на тех, кто покупал лес или получал его бесплатно, что было самым простым, но, к сожалению, не самым эффективным способом борьбы с захлапленностью лесных дач. По мере интенсификации лесного хозяйства в административных недрах созрела мысль о необходимости проведения этой лесохозяйственной операции исключительно силами лесной стражи либо специально нанимаемых рабочих. В середине XIX в. была разработана система денежных залогов, которые поступали лесному ведомству в случае, если лесозаготовитель не выполнял своих обязательств по очистке делянок. Лесозаготовители очень неохотно выполняли эту часть договора, предпочитая оставлять залогов в лесничествах. Но и у лесного ведомства сил и средств на своевременную уборку порубочных остатков не хватало, поэтому они убирались преимущественно в легкодоступных местах.

Решать проблему очистки лесных дач от валежника было необходимо комплексно, в том числе с использованием достижений лесоводческой науки. В теоретических исследованиях и практических руководствах по лесоведению и лесоводству содержались доказательства вреда, наносимого находящейся в лесу мертвой древесиной и обоснования необходимости ее удаления. Н.С. Шафранов писал, что «весьма часто лесные пожары усиливаются до страшных размеров, благодаря накопившемуся в лесах сухому валежному лесу. Огонь, двигаясь по поверхности лесной почвы и сжигая почвенный покров, дойдя до нагроможденных куч валежного леса, охватывает его своим пламенем, взвизгивает и поджигает собою нижние сучья растущих деревьев, быстро переходит в вершину дерева и распространяется по вершинам, истребляя весь лес на повал» [9. С. 26]. Помимо пожарной опасности валежник и другие поврежденные деревья представляют угрозу для растущего леса, поскольку создают благоприятные условия для распространения вредителей и болезней леса. Специалисты призывали смотреть на очистку лесных дач не как на «финансовую операцию, стоимость которой должна непременно окупиться продажной суммой валежного леса, а как на авансовую хозяйственную лесоохранительную затрату, имеющую целью предотвратить неисчислимые убытки, грозящие в будущем» [Там же. С. 26–27].

Рост промышленного производства в первой половине XIX в., увеличение численности населения при господстве примитивной агротехники, предполагавшей расчистку лесных площадей под пашню, привели к увеличению нагрузки на лесные массивы европейской части страны и существенному сокращению ле-

систости [10. С. 201]. В ряде центральных и южных губерний уже в первой половине XIX в. лесное ведомство было вынуждено ограничить объемы отпуска растущего леса из казенных дач (а в отдельных местностях вовсе прекратить), заменяя его валежной, сухостойной и ветровальной древесиной. Для удовлетворения домашних потребностей в топливе, а также для жжения угля, сидки дегтя и изготовления поташа предписывалось использовать исключительно сухостойный и валежный лес.

Возросшая потребность государства в качественной древесине и постепенная коммерциализация лесного хозяйства заставляли правительство рассматривать валежник как источник доходов. По мере проникновения в лесную отрасль рыночных отношений казенным лесным ведомством стали практиковаться заготовка валежника своими силами и его дальнейшая реализация «по настоящим ценам без упущения». В лесных уставах получила закрепление норма, согласно которой при заготовке строевых деревьев лесозаготовитель был обязан использовать валежный, буреломный, а также сухостойный лес, если он удовлетворял требованиям качества.

Модернизация казенного лесного хозяйства Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. предполагала создание условий для интенсивной эксплуатации всех лесных ресурсов, а не только растущего леса. Лесное законодательство делило деревья на несколько типов: корабельные, строевые, поделочные, дровяные. К первой категории относились наиболее ценные породы, вторую составляли все годные для постройки, из поделочной древесины изготавливались разного рода деревянные изделия, а дровяные, в силу своего низкого качества, могли быть использованы только на дрова. Причем к последней категории могли относиться не только сухостойные или поврежденные, но и растущие деревья, не подходящие ни к одной из оставшихся категорий. Валежный лес не обязательно относился к категории дровяной древесины, поскольку ветром могло повалить и вполне здоровое, годное для строительства дерево. Такое подразделение было необходимо для составления лесохозяйственных планов, оборотов рубок и определения таксовой стоимости древесины.

Очистка лесных дач от валежника могла осуществляться путем хозяйственной заготовки древесины силами казенного лесного ведомства, в ходе проведения лесных работ или путем предоставления лесных участков лесопромышленникам и населению.

В дореформенный период лесные работы являлись одной из натуральных повинностей государственных крестьян. После отмены обязательного труда работы в казенных лесных дачах проводились за счет специальных сметных отчислений, поступающих на места из Лесного департамента. В целях экономии департамент предписывал губернским и областным управлениям производить уборку валежного и сухостойного леса «без затраты денежных средств со стороны казны, посредством продажи этого леса» или хозяйственным способом с дальнейшей реализацией заготовленной древесины [11. С. 30]. Еще одной формой расчета с крестьянами могло стать предоставление в

их пользу собранного валежного леса, пригодного на дрова.

Правила рационального ведения лесного хозяйства требовали постоянного контроля со стороны лесного ведомства за осуществлением лесопользования в рамках утвержденных годовых смет. Сверхсметные отпуска леса в зачет сметы будущего года или без зачета могли производиться только при наличии обоснования. Одним из немногих исключений являлось использование валежной древесины. Со второй половине XIX в. губернские управления государственных имуществ и местные лесничие (в зависимости от суммы отпускаемых лесоматериалов) получили право осуществлять сверхсметные отпуска валежного леса потребителям в неограниченном количестве, без зачета в сметные назначения текущего и будущего годов [12. С. 420–422]. Сухостойный, буреломный и поврежденный до степени прекращения роста лес отпускался, хотя и сверхсметно, но с зачетом в сметные отпуска будущего года. Таксовая стоимость такой древесины, частично утратившей свои деловые качества, однако, не могла понижаться более, чем на 50%, а ее реализация осуществлялась по упрощенной схеме, без проведения процедуры торгов.

При подготовке в 1913 г. проекта нового Лесного устава было предложено в целях обеспечения неистощительного лесопользования и сокращения объемов рубок растущего леса отпуска мертвого и поврежденного леса (даже валежного), занимающего значительные сплошные площади производить сверхсметно, но с обязательным зачетом в сметные назначения [13. С. 71–72].

Вопрос об использовании валежника выходил за рамки исключительно экономической плоскости. Грамотное использование этой категории древесины являлось весьма эффективным орудием в руках государства для ликвидации так называемого лесного голода, вызываемого дефицитом лесоматериалов. Древесное топливо в условиях сурового российского климата приобретало значение фактора выживания населения, особенно крестьян. Существовавшая система бесплатных и льготных отпусков древесины на дрова отдельным категориям населения, прежде всего малоимущим, имела четко выраженную патерналистскую направленность. Н.С. Шафранов, обращаясь к частным лесохозяевам, предлагал им принять участие в решении острейшей социальной проблемы «лесного голода» путем предоставления возможности населению даром или за символическую плату самостоятельно заготавливать «продукты лесного хозяйства, не имеющих в нем особенной цены» (пни, сучья, ветви, мелкий валежник и т.п.). Подобная практика, с успехом использовавшаяся в странах с развитой лесохозяйственной системой (Германия, Франция), могла бы устранить повод к покушениям на похищение леса со стороны беднейших окрестных жителей, получающих возможность снабдить себя бесплатным топливом. Необходимо учитывать, что основной причиной самовольного лесопользования являлось отсутствие возможности на законных основаниях удовлетворить потребность в строевом и дровяном лесе [14].

Дореволюционное лесное законодательство разделяло лесопользование на основное и побочное. К последнему относились сидка дегтя, добыча смолы, изготовление поташа и древесного угля, заготовка коры (дубовой, ивовой, еловой – для дубления кож, липовой – для получения лыка и мочала), различных лесных растений, листвы, мха, плодов, древесного сока, торфа, песка и глины, пастьба скота, а в некоторой степени охота и рыболовство. Побочное лесопользование осуществлялось на платной основе по специальным билетам, которые необходимо было получать в лесничестве.

Сбор валежника и хвороста, заготовка жердей и кольев, пней и корней и т.п. не относились к побочным пользованиям, поскольку речь шла о заготовке древесины. Для заготовки стоящего на корню, а также лежащего леса требовалось приобретение билета, в котором указывалось, кому разрешается заготовка леса, на каких основаниях, размеры отпуска, сумма оплаты и ее поступление, время и условия проведения заготовки древесины и другие сведения. На льготные или бесплатные отпуска леса, в том числе валежного, также должны были оформляться соответствующие билеты.

Самовольный сбор буреломных и валежных деревьев приравнивался к порубке и являлся уголовно наказуемым деянием. Приравнивалась к самовольной порубке также и продажа полученной бесплатно или приобретенной по льготной цене древесины. В ст. 157 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, оговаривалось, что собиранье валежника и хвороста в казенных лесах не являлось преступлением, если эти действия не противоречили положениям Лесного устава. Между тем в лесных уставах не содержалось четкого указания на то, что понимается под законным пользованием валежником и хворостом, что дало основание Н.И. Фалееву заявлять, что эта правовая норма не имеет никакого юридического содержания и помещается в уставе только «по недоразумению» [15. С. 302]. Поскольку нормы лесных уставов не регламентировали порядок пользования валежником, этот вопрос нашел отражение в ведомственном нормотворчестве Лесного департамента. В частности, в 1870-х гг. департамент предоставил региональным управлениям право разрешать крестьянам бесплатно собирать валежник при соблюдении ими ряда условий, которые оговаривались в специально составляемом приговоре сельского общества [16. С. 341]. Регламентировались время и место, а также ответственность за потенциальный ущерб, который могли нанести своими действиями сборщики валежника растущему лесу.

Перечень лесопользователей, имевших право на безденежное получение или приобретение древесины по сниженным ценам, содержался в лесных уставах и подвергался постоянным корректировкам, преимущественно в сторону сокращения, что было продиктовано развитием рыночных отношений в лесной сфере, а также постепенным завершением землеустройства крестьянского населения. По мере завершения землеустроительной кампании объемы бесплатного снабжения крестьянского населения древесиной снижались, поскольку основным источником строевой и

дровяной древесины должны были стать земельные и лесные наделы, получаемые крестьянами.

Однако и после наделения крестьян земельными и лесными наделами снабжение населения древесиной, в том числе валежной, из казенных лесов продолжало практиковаться. В Российской империи наблюдался плюрализм форм собственности на лес и режимов эксплуатации его эксплуатации, однако ограничения пользования спорными, общими или въезжими лесами не распространялись на валежник; население могло его свободно собирать, но только для своих надобностей. В местностях, богатых лесом, например в таежных районах Сибири, право бесплатного получения валежника из казенных лесных дач было неограниченно и распространялось на все категории населения.

В годы обострения социальных противоречий, а также в военное время возрастали объемы бесплатных и льготных отпусков, в первую очередь нижним воинским чинам, призванным в действующую армию, и их семьям. Удовлетворение потребности этой категории населения в топливе происходило преимущественно за счет заготовки валежной древесины. Так, после начала Первой мировой войны Лесной департамент направил в губернские управления земледелия и государственных имуществ предписание, по которому в военное время беднейшие семьи нижних чинов имели право на бесплатное получение валежного леса на дрова в размере 3 куб. саж. на семью [17. Л. 41–48]. Лесничим предписывалось «идти навстречу» солдатским семьям, отпуская им древесину в удобных для них местах. Беднейшие солдатские семьи (сначала крестьянские, а с 1915 г. и проживавшие в городах) имели право бесплатно получать частями или целиком указанную годовую норму.

В послереволюционный период социальная нагрузка на лесную отрасль многократно возросла. Право на бесплатное получение валежника для отопления получили не только солдатские семьи, но и беднейшее население деревень и городов. Советская власть, несмотря на объявленную национализацию природных ресурсов и проведенную ревизию законодательства дореволюционного периода, оставила механизм пользования валежным лесом без существенных изменений. Там, где позволяли условия, в пользу трудового населения и на общественные нужды в первую очередь отпускался именно валежный лес. Как и в предшествующий период, такие отпуска могли осуществляться сверхсметно и без зачета в лесоотпускные сметы.

Таким образом, система пользования валежной древесиной, несмотря на свою конкретность и кажущуюся узконаправленность, затрагивает разнообразные сферы общественной жизни. Можно выделить как минимум три важнейшие ее составляющие, самым тесным образом связанные друг с другом: лесокультурную (очистка лесных дач от лежащей древесины в интересах правильного хозяйствования), экономическую (заготовка и дальнейшая реализация валежной древесины с получением прибыли и сохранением растущего леса для будущего использования), социальную (удовлетворение потребности

населения в топливе). Другими словами, налаженная и эффективно действующая система пользования валежной древесиной позволяет решать комплексную задачу сохранения лесного фонда страны и рационального ведения лесного хозяйства в интересах личности, общества и государства. Анализ исторического опыта лесопользования на примере такой катего-

рии лесных материалов, как валежник, показывает, что предоставление населению права свободного доступа к этому ресурсу отвечает интересам лесного хозяйства, однако сама процедура его заготовки должна находиться под контролем органом и должностных лиц, ответственных за лесозаготовку и лесоохрану.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильичев Ю.Н. Недревесные ресурсы леса: проблемы и перспективы использования // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2014. X Международные научный конгресс и выставка (Новосибирск, 8–18 апр. 2014 г.). Международная научная конференция «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесозаготовку, управление недвижимостью»: сб. материалов. Новосибирск, 2014. Т. 2. С. 287–290.
2. Кравченко А.А., Рыгалова Н.В. Потенциал недревесных ресурсов Алтайского края // География и природопользование Сибири : сб. ст. Барнаул, 2015. Вып. 19. С. 89–95.
3. Макаренко Е.Л. Использование лесов Сибири: оценка перспективного развития // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 19 (394). С. 12–43.
4. Лес России: энциклопедия / под общ. ред. А.И. Уткина, Г.В. Линдемана, В.И. Некрасова, А.В. Симолина. М., 1995.
5. Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898.
6. О нерубке годных к корабельному строению лесов. Именной указ от 28 февраля 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 5, № 2890.
7. Инструкция обер-вальдмейстеру от 3 декабря 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 7, № 4379.
8. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910.
9. Шафранов Н.С. Лесоохранение. 2-е изд. СПб., 1875.
10. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.
11. Гайковский Ф.А. Лесное законоведение. СПб., 1895.
12. Правила об отпуске лесных материалов из дач ведомства Министерства государственных имуществ. Высочайше утверждены 13 мая 1869 г. // Полное Собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 25. Отд. 1, № 47084.
13. Зайцев Д.М. Лесное законодательство (комментарии к проекту нового Устава лесного). СПб., 1913.
14. Тяпкин М.О., Демчик Е.В. Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 145–152.
15. Фалеев Н.И. Лесное право. М., 1913.
16. Романовский М. Курс русского лесного законодательства. СПб., 1881.
17. Государственный архив Томской области. Ф. 240. Оп. 1. Д. 879.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июля 2018 г.

THE USE OF COARSE WOODY DEBRIS IN RUSSIA IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 161–166.

DOI: 10.17223/15617793/435/21

Mikhail O. Tyapkin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Olga A. Tyapkina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: olgaat@rambler.ru

Keywords: forestry; forest use; protection of forests; non-wood forest products; coarse woody debris; Forest Charter; Forest Code.

The article aims to examine the genesis of the use of coarse woody debris and characterize its main features for a period of the 18th – early 20th centuries. It is shown on the example of state forests which were the most numerous category of forests during the pre-revolutionary period. One of the objectives of the article is the analysis of the historical experience in the sphere of forest use. This issue is particularly urgent since a law under which coarse woody debris is requalified from the category “wood” to the category “non-wood forest products” will come into force on January 1, 2019. The population has acquired the right to gather coarse woody debris for their home needs for fuel. Articles of pre-revolutionary forestry researchers as well as legislative acts and archive data are the basis of the article. The methodological basis is a systemic approach and some general and specific scientific methods. The authors came to the following conclusions. Interest in using coarse woody debris in Russia appeared simultaneously with the emergence of forestry as a separate branch of industry in the first quarter of the 18th century. In contrast to ship timber, coarse woody debris could be used with no restrictions. During the end of the 18th and the beginning of the 19th centuries, the Russian government tried to modernize forestry, including due to the increase in the gathering of coarse woody debris and other damaged wood which did not lose its useful properties and their further selling to the population. Using coarse woody debris for fuel was considered as a measure of preservation of the growing wood and of increase in state forestry profitability. Coarse woody debris was gathered by forces of state forestry with its further selling at lower rates. Besides, there were purposeful cleanings of forest areas of lying wood during forest works. At last, certain forest areas could be given to peasant communities that cleaned them by their own efforts and took coarse woody debris as payment. The law defined categories of the population, public and state organizations and institutions that had the right to receive coarse woody debris for heating for free. In that case, coarse woody debris was supplied from state forest areas apart from the established volumes of the growing wood. In the period of worsened social contradictions and in wartime, the volumes of free and preferential distributions of coarse woody debris to the lower military ranks who served in the army and their families were increased. Thus, the system of coarse woody debris use pursued several aims: economic, social and forest cleaning. It promoted an increase of income from forest use, rationalization of forestry and reduced acuteness of the “forest question” by supplying the population with wood fuel.

REFERENCES

1. Il'ichev, Yu.N. (2014) [Non-timber forest resources: problems and prospects for use]. *Interexpo GEO-Sibir'-2014* [Interexpo GEO-Siberia-2014]. X International Scientific Congress and Exhibition. Novosibirsk. April 8–18, 2014. *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ekonomika prirodopol'zovaniya, zemleustroystvo, lesoustroystvo, upravlenie nedvizhimost'yu* [Economic Development of Siberia and the Far East. Environmental economics, land management, forest management, real estate management]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Novosibirsk: SGGGA. pp. 287–290. (In Russian).
2. Kravchenko, A.A. & Rygalova, N.V. (2015) Potentsial nedrevesnykh resursov Altayskogo kraya [Potential of non-timber resources of Altai Krai]. In: Baryshnikova, G.Ya. (ed.) *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri* [Geography and environmental management of Siberia]. Is. 19. Barnaul: Altai State University. pp. 89–95.
3. Makarenko, E.L. (2015) The use of forests of siberia: assessing the prospects of development. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 19 (394). pp. 12–43. (In Russian).
4. Utkin, A.I. et al. (eds) (1995) *Les Rossii: entsiklopediya* [Forest of Russia: encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
5. Verekhha, P.N. (1898) *Opyt lesovodstvennogo terminologicheskogo slovarya* [The experience of silvicultural terminological dictionary]. St. Petersburg: tip. SPb. gradonachal'stva.
6. Russian Empire. (1830) O nerubke godnykh k korabel'nomu stroeniyu lesov. Imennoy ukaz ot 28 fevralya 1715 g. [On the non-cutting of woods suitable for ship construction. Czar Edict of February 28, 1715]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 5. No. 2890. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
7. Russian Empire. (1830) Instruksiya ober-val'dmeysteru ot 3 dekabrya 1723 g. [Instructions to the Ober-Waldmeister of December 3, 1723]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 7. No. 4379. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
8. Zaytsev, D.M. (1910) *Gosudarstvennoe lesnoe khozyaystvo v svyazi s agrarnoy reformoy i nuzhdami promyshlennosti* [State forestry in connection with the agrarian reform and the needs of industry]. St. Petersburg: Spb. lesoustroit. i zemel.-tekhn. t-vo.
9. Shafranov, N.S. (1875) *Lesookhraneniye* [Forest conservation]. 2nd ed. St. Petersburg: A.F. Devrien.
10. Tsvetkov, M.A. (1957) *Izmeneniye lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god* [Changes in the forest cover of European Russia from the end of the 17th century to 1914]. Moscow: USSR AS.
11. Gaykovskiy, F.A. (1895) *Lesnoe zakonovedeniye* [Forest Law]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
12. Russian Empire. (1830) Pravila ob otpuske lesnykh materialov iz dach vedomstva Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. Vysochayshe utverzhdeny 13 maya 1869 g. [Rules for the release of forest materials from country houses of the Ministry of State Property. Highly approved on May 13, 1869]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 25. No. 47084. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
13. Zaytsev, D.M. (1913) *Lesnoe zakonodatel'stvo (kommentarii k projektu novogo Ustava lesnogo)* [Forest legislation (commentaries to the draft of the new Forestry Charter)]. St. Petersburg: Zhurnal "Lesopromyshlennik".
14. Tyapkin, M.O. & Demchik, E.V. (2017) Kharakteristika samovol'noy porubki lesa v istoricheskoy retrospektive [Characteristics of unauthorized logging in a historical retrospective]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2 (94). pp. 145–152.
15. Faleev, N.I. (1913) *Lesnoe pravo* [Forest Law]. Moscow: Tipografiya T-va I.D.Sytina.
16. Romanovskiy, M. (1881) *Kurs russkogo lesnogo zakonodatel'stva* [Course of Russian forest legislation]. St. Petersburg: A.F. Devrien.
17. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 240. List 1. File 879. (In Russian).

Received: 30 July 2018